

Демографические дискуссии. ЭТО КЛЮЧ ОТ ДРУГОГО ЗАМКА

Автор: А. Г. ВИШНЕВСКИЙ

Я хотел бы заступиться за теорию демографического перехода (ТДП), столь сурово раскритикованную в статье М. Клупта.

Критика любой научной теории - нормальное явление, она может только приветствоваться, потому что нет ничего более полезного для выяснения истины, чем голос "адвоката дьявола". Не следует только забывать, что хорошая теория - ценное достояние научного сообщества, к которому надо относиться ответственно. Дискредитировать теорию в глазах не очень знакомых с нею людей намного легче, чем научно ее опровергнуть. Это относится и к ТДП. Учитывая, что речь идет об очень авторитетной теории, признанной и широко используемой во всем мире, аргументы критиков должны быть достаточно весомыми.

Серьезные основания для критики теории появляются, когда накапливается значительное количество фактов, которые невозможно объяснить с ее помощью, или когда появляется новая теория, лучше объясняющая уже известные факты. На первый взгляд, Клупт и указывает на оба эти основания. Но присмотримся к его доводам внимательнее.

"Теории демографического перехода, - отмечает критик, - содержат ряд "встроенных" ограничений, не позволяющих им объяснять определенные классы ситуаций, возникающих в ходе демографического развития". Начнем с того, что ТДП и не должна использоваться при анализе всех классов подобных ситуаций. Она изначально призвана объяснить только те из них, которые возникают в связи с "одноразовым" историческим переходом от одного типа демографического воспроизводства к другому. Это - очень важный этап демографического развития, охватывающий в масштабах планеты несколько столетий и имеющий огромные последствия, но это - не все развитие. И то, что было до перехода или наступает после него, не может быть объяснено с помощью ТДП по определению. Нет смысла пытаться открыть замок ключом, который был создан для другого замка.

ТДП, полагает Клупт, плохо объясняет демографические изменения, не связанные с модернизацией, с движением "от традиционного общества - к современному, от более религиозного - к менее религиозному, от индивида, опутанного общинными узами - к свободной личности и т.д.". Но она и не должна их объяснять, ибо занимается только тем, что происходит, когда такое движение наличествует.

ТДП утверждает, что все общества, вступающие на путь модернизации, урбанизации, секуляризации и т.п., - а согласитесь, что это не такая уж редкость для XX или XXI в., - неизбежно включаются и в процесс однотипных демографических изменений, которые и называются демографическим переходом, и мне неизвестно ни одного исключения из этого правила. А то, что у каждой страны свой маршрут движения по этому пути, своя скорость и т.п., - так разве кто-нибудь когда-нибудь думал иначе?

Вишневский Анатолий Григорьевич - доктор экономических наук, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Между Китаем и Индией есть разница, но разве Индия движется не в том же направлении, что и Китай, и может прийти к какому-то принципиально иному демографическому результату? Уже сейчас почти нигде в мире не осталось ни традиционной смертности, ни традиционной рождаемости, а ведь всего 50 лет назад они преобладали. Переход в планетарных масштабах еще далеко не закончен, но он идет повсеместно - и именно в соответствии с предсказаниями ТДП.

По мнению Клупта, "в классической версии ТДП в него входят урбанизация, секуляризация, рост образованности населения, изменение положения женщин в обществе и т.д.", но "в этот список не попадают экономические факторы". Так ли это? За всеми пунктами приведенного "списка" стоят фундаментальные изменения в эффективности производства, коренной переворот в его отраслевой структуре (переход от аграрной к индустриальной экономике), глубочайшие перемены в характере труда, небывалый рост благосостояния. Неужели это все не относится к "экономическим факторам"? И разве кто-нибудь не понимает, что демографический переход в мировых масштабах тормозится прежде всего бедностью "третьего мира", неразвитостью его экономики, недостатком экономических ресурсов, при том что есть, конечно, и другие факторы?

Более того, именно понимание механизмов демографического перехода помогает понять многие императивы современного экономического развития, а тем самым и универсальную неизбежность модернизации. Клупт видит в этом недостаток ТДП, согласно которой "тенденции демографии *a priori* делятся на "модернизационные"... и "контрмодернизационные"". Но ведь такое разделение - не блажь каких-то не очень сообразительных прозападных теоретиков. Видеть иначе современное развитие просто невозможно.

Исповедуете вы ТДП или нет, мало кто станет отрицать, что одна из главных особенностей современности - взрывные темпы роста мирового населения. А это требует адекватного экономического ответа - взрывоподобного роста производства, невозможного на базе традиционных низкоэффективных методов хозяйствования.

Даже для того, чтобы просто прокормить дополнительные миллиарды людей в развивающихся странах, необходим невиданный рост производства продуктов питания, что невозможно без внедрения современных сельскохозяйственных технологий, основанных на широком применении машин, удобрений, новейших методов ирригации и пр. Быстро увеличивающаяся плотность населения и, как следствие, его новое территориальное распределение, бурная урбанизация, возникновение множества крупных и крупнейших городов резко повышают требования к качеству жилищ, минимальному уровню бытового и санитарного комфорта, транспортного обслуживания и т.д. Везде становятся необходимыми крупномасштабное городское и дорожное строительство, сооружение дорогостоящих инженерных сетей, создание надежных источников водоснабжения, использование огромного количества транспортных средств, привлечение новых энергетических ресурсов. Вся система жизнеобеспечения населения становится другой, и для того, чтобы создать и поддерживать ее, более бедные, преимущественно аграрные страны вынуждены модернизироваться, внедрять новейшие технологии, развивать собственную промышленность, систему образования и подготовки кадров, здравоохранение, одним словом, все то, что уже существует в странах более богатых. Но одновременно нужно и "встречное движение" на собственно демографическом поле, нужно как можно более быстрое снижение рождаемости, позволяющее ослабить непосильное демографическое давление на экономические и природные ресурсы. Отсюда - изменения традиционных семейных институтов, норм демографического и семейного поведения и т.д. Все это и есть модернизация, а попытки законсервировать традиционные статусы, формы поведения и т.п. контрмодернизационны.

Конечно, в разных странах модернизация, в том числе и демографическая, происходит по-разному. Но что из этого следует? Когда на вершинах гор тают ледники, вода стекает вниз по-разному - в зависимости от того, какие породы встречаются на ее пути. Вероятно, она и испаряется по-разному - я в этом не слишком разбираюсь. Но все же я уверен, что еще не было случая, чтобы образовавшаяся при таянии льда вода по-

текла бы вверх, ибо это противоречит законам природы. И эти законы не опровергаются тем, что в одних случаях вода низвергается водопадами, в других спокойно течет, прокладывая себе путь в лессовых отложениях, а в третьих вообще исчезает с поверхности, образуя подземные реки.

Японские женщины могут продолжать носить кимоно, индийские - сари, иранские - закрывать лицо при выходе на улицу и т.п., но поскольку по числу рождений на одну женщину уже сейчас даже Тегеран не слишком отличается от Москвы, Москва - от Пекина, Пекин - от Токио, а Токио - от Рима, то приходится признать, что если ТДП и игнорирует "особенности незападных обществ", как кажется Клуπτу, то делает это не зря.

Не совсем понятно и предъявляемое Клуπτом обвинение в том, что ТДП не рассматривает влияния моральных факторов. Эта теория - мощный инструмент анализа исторических изменений моральных норм, регулирующих витальное, матримониальное, семейное, сексуальное, прокреативное и т.п. поведение, и в этом смысле она жестко противостоит мифологическим объяснениям подобных изменений "падением нравов", "высоким уровнем аномии", "низким уровнем солидарности" и т.п. Просто появляются другие нравственные нормы и другие формы солидарности. Новая нравственность может кому-то не нравиться, однако задача теории - не морализировать, а объяснять. Вот она и объясняет (может быть, не совершенно, не до конца, не исчерпывающе, но это - другой вопрос), почему моральные предписания изменились и почему все большее число людей принимают эти изменения.

Общество, особенно некоторые его группы и институты, совсем не обязательно должны немедленно соглашаться со всеми такими изменениями. То, что перемены прокладывают себе путь, преодолевая сопротивление традиции, - совершенно нормально. Нормально и то, что силы традиции поднимаются против таких перемен, - традиция складывалась столетиями и тысячелетиями не для того, чтобы уйти без боя. Но ТДП однозначно утверждает: демографические условия существования человечества, которым все эти столетия и тысячелетия соответствовала традиция, необратимо изменились, в силу чего многие традиционные моральные нормы утратили смысл. В этом смысле ТДП - антитрадиционна, а стало быть, может многим не нравиться. "Перетягивание каната" между сторонниками и противниками традиции может длиться долго и идти с переменным успехом. Но думать, что некоторый подъем консерватизма в США, обнаруженный там Клуπτом "консервативно-демографический синдром", "включающий взаимосвязанные консервативные модели не только политического и электорального, но и демографического поведения", опровергает ТДП, которая описывает изменение вековых тенденций в масштабах всего человечества, причем изменения, которые уже в основном состоялись, - более чем наивно.

Клуπτ сравнивает ТДП с "картой мира, на которой, вследствие ее малого масштаба, не видны региональные детали" и противопоставляет ей "институциональный подход - атлас крупномасштабных карт отдельных регионов". В принципе, с этой метафорой можно было бы и согласиться, если бы все время не подчеркивались "несовременность", "неэффективность", "ограниченность" ТДП. А разве карта мира становится несовременной или неэффективной оттого, что существуют крупномасштабные карты отдельных регионов? Можно ли без нее обойтись?

* * *

Посмотрим теперь, как работает в статье Клупта "институциональный подход", представляемый как методологическая альтернатива ТДП. Можно найти много конкретных объяснений того, почему в какой-либо взятой наугад стране (Клупт выбрал Италию) тенденции рождаемости такие, а не иные. Было бы странно, если бы кто-либо попытался дать такие объяснения с помощью ТДП. Как отмечалось выше, она претендует на описание перехода от одного состояния к другому, но совершенно не отвечает за то, что происходит после того, как переход в основном завершен, или происходило до того, как он начался. Рождаемость в европейских странах не была одина-

ковой до начала перехода, она не одинакова и сейчас, но это отнюдь не вступает в противоречие с тем, что все эти страны в XIX-XX вв. совершили переход от высокой рождаемости к низкой, а значит, от одного типа прокреативного, сексуального, матримониального, семейного поведения к другому. Никто не спорит с тем, что современная постпереходная городская итальянская семья по многим характеристикам этих видов поведения чем-то отличается от современных же немецкой, французской или российской семей. Но ее отличие от допереходной итальянской семьи - несравненно больше (еще в 1930 г. коэффициент суммарной рождаемости в Италии составлял 3,5).

Будучи постпереходной, итальянская ситуация, разумеется, требует и иных, нежели ТДП, инструментов анализа. Но это все-таки должен быть анализ, а не набор разрозненных примеров, тем более, что они относятся к далекой и не слишком известной каждому русскому читателю Италии. Ему поневоле приходится на веру принимать рассуждения автора о крепости семейных уз в этой стране, особенностях итальянского фамилизма, причинах поздней брачности и т.п. У меня, как у читателя, сразу возникает вопрос: как верифицировать все эти рассуждения? Почему я должен верить, что "поздней брачности способствуют... многовековые традиции совместного проживания родителей и детей в ряде областей Италии, дороговизна арендуемого жилья, высокий, хотя и имеющий тенденцию к снижению, уровень молодежной безработицы", если я знаю, что в 1960 г. средний возраст вступления в первый брак в Италии (24,7 года) был таким же, как в России (24,8), в которой не было ни соответствующих многовековых традиций, ни молодежной безработицы? В 2000 г., когда средний возраст вступления в первый брак в Италии значительно вырос (до 27,4 г.), он был ниже, чем в Нидерландах, Норвегии, Финляндии, Франции, Швеции, Швейцарии. В чем же тогда специфика Италии, в которой "молодые люди до последней возможности откладывают вступление в брак, что неблагоприятно сказывается на уровне брачной рождаемости"? Почему это не так сказывается во всех перечисленных странах, где рождаемость выше, чем в Италии? И главное, в чем достоинства того "институционального подхода", который, по мысли Клупта, демонстрируется его анализом итальянской ситуации?

Много ли проку от его кажущихся подробными объяснений, если в других странах все эти объяснения не работают, а рождаемость - такая же? В 2002 г. коэффициент суммарной рождаемости (число рождений на 1 женщину) в Италии составлял 1,20, в Польше - 1,24, в Германии - 1,31, в России - 1,32. Неужели нужна такая мощная артиллерия (собранная притом из весьма разнокалиберных и довольно случайных орудий), чтобы объяснить столь ничтожные различия? И даже если есть страны, отличающиеся от Италии более заметно, например Франция (коэффициент суммарной рождаемости 1,89), то масштаб различий все же не настолько велик, и они не так долго существуют, чтобы на этом можно было строить какую-либо теорию. Этого, кстати, никто и не пытается делать. И уж во всяком случае, это не имеет отношения к ТДП.

Но все-таки, если не слишком держаться за особую ценность "крупномасштабных карт регионов" и иногда посматривать и на карту мира, то нетрудно заметить, что даже и европейские страны группируются не случайным образом и не по сходству своих средневековых традиций. Сейчас европейские страны с самой низкой рождаемостью - как правило, страны второго, в лучшем случае, "полуторного" эшелона капитализма, их модернизация - в той или иной степени "догоняющая", потому и демографический переход был догоняющим, что и привело к современным специфическим конфигурациям демографических процессов. Институциональный подход и в самом деле может помочь разобраться в них, однако не отвергая ТДП, а очень основательно ее используя.

То же можно сказать и об анализе феномена высокой российской смертности. Эпидемиологический переход - важнейшая составляющая демографического перехода - пробуксовывает у нас в России уже четыре десятилетия, и все это время увеличивается наше отставание от Запада. Но опровергает ли это ТДП (Клупт пишет, что эта теория не в состоянии объяснить подобные бифуркации, о "провале" ТДП)?

Прежде всего замечу, что смертность у нас хоть и высокая, но в основном постпереходная. Как ни низка у нас ожидаемая продолжительность жизни, но она вдвое выше,

чем была сто лет назад, накануне перехода. А младенческая смертность снизилась за это время в 20 раз. В определенном смысле все шло именно "по теории", что даже несколько неожиданно, учитывая страшные потрясения, пережитые страной в XX в. Но самая лучшая теория может предсказать только направление движения и его конечный результат, а не каждый шаг в деталях. Мы прекрасно знаем, что весна в нынешнем году может наступить раньше, чем в прошлом и позже, чем в позапрошлом, каждый раз это может иметь свое известное метеорологам конкретное объяснение, но это ведь не опровергает нашего понимания общих причин, по которым ежегодно приходит весна.

ТДП не утверждает, что смертность снижается автоматически. Она говорит, что снижение смертности идет рука об руку с другими модернизационными изменениями. Нет этих изменений - нет и снижения смертности. Понять, почему нет ни того, ни другого, и в самом деле может помочь институциональный подход. Однако вопрос, на который должен быть дан ответ, как раз и заключается в том, почему демографический переход, понимаемый как универсальный процесс, никак не может завершиться в России.

Можно ли считать "провалом" ТДП ее неспособность объяснить распространение эпидемий и рост смертности в Африке? Теория - не расписание поездов. Первоначально ТДП возникла на основе обобщений европейского опыта, в частности опыта снижения смертности на протяжении всего XIX в. Резкие подъемы смертности были и тогда, например в результате страшного голода в Ирландии. Но что бы мы сказали, если бы на основании подобных событий кто-либо стал отрицать всеобщность процесса снижения европейской смертности? Африка медленно модернизируется вообще, поэтому медленно, с попятными движениями, модернизируется и ее смертность.

* * *

И наконец, может быть, главное. ТДП вовсе не сводится к описанию или предсказанию тех или иных количественных тенденций - изменений показателей рождаемости, смертности и т.п. Она анализирует внутреннюю структуру качественных эволюционных демографических изменений (которые могут иметь еще и пертурбационную составляющую, что не относится к классу явлений, описываемых теорией) и благодаря этому позволяет понять их глубинную сущность.

Скажем, применительно к смертности ТДП, в частности ее составляющая - теория эпидемиологического перехода, сосредоточивает внимание не на снижении показателей смертности, а на изменении *структуры причин смерти*, которая лежит в основе этого снижения. Тем самым она проникает внутрь "черного ящика" и помогает понять в деталях, почему смертность снижается быстрее или медленнее или не снижается вообще.

Может показаться странным, что в СССР во время Второй мировой войны снижалась младенческая смертность. Однако, с точки зрения ТДП, это вполне объяснимо: продолжалось и даже ускорилось, благодаря открытию антибиотиков, установление контроля над смертностью от инфекционных заболеваний, и эффект этого эволюционного процесса не смогли перечеркнуть даже тяжелейшие условия военного времени. В 1946 г. младенческая смертность в России была существенно ниже, чем в 1940 г. В 1947 г. она резко подскочила - из-за голода, - но уже начиная с 1948 г. продолжила свое стремительное снижение. В 1950 г. она составляла примерно 90 смертей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся, и это был по тем временам очень неплохой показатель (в 1940 г. - свыше 200 на 1000). Сейчас на таком уровне находится младенческая смертность в Африке к югу от Сахары (96 на 1000 в 2004 г.), а это значит, что и Африка не стоит на месте.

Россия страдает в первую очередь от "флюса" смертности от внешних причин. Это не вписывается в предсказания, вытекающие из ТДП, но и не опровергает их: теория не может создаваться отдельно для страны с повышенным уровнем пьянства. Мысль о том, что исключения лишь подтверждают правило, глубже, чем часто думают.

Столь же ценен вклад ТДП в осмысление качественных перемен в рождаемости. Количественные аспекты, конечно, тоже важны для понимания этих перемен, потому что демографический переход представляет собой ответ на огромное снижение смертности, делающее ненужной и даже опасной прежнюю высокую рождаемость. ТДП как раз и описывает реакцию социума на изменившиеся количественные соотношения. Однако в этой реакции важно не то, к какому именно уровню рождаемости приходит то или иное население к концу перехода, а то, что меняется сам тип прокреативного поведения, теперь оно основывается на признанной свободе индивидуального выбора. Как я писал много лет назад, с точки зрения сопоставления до- и послепереходной ситуации "важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть результат ее (или обоих супругов) *сознательно принятого решения*" [Вишневецкий, 1976, с. 168]. Из теории не следует, что постпереходная рождаемость *должна* быть очень низкой, но она и не воспрещается этого, если таков массовый выбор. Конечно, есть люди, которых массовый демографический выбор сегодняшних европейцев приводит в негодование, но повторю еще раз: задача теории не морализировать, а понимать.

Пытаясь добраться до рационального зерна в позиции Клупта, я могу сказать, что поскольку ТДП не предназначена для анализа постпереходных ситуаций, с которыми, по мере завершения демографического перехода в разных странах, приходится сталкиваться все чаще и чаще, нужно искать какие-то новые аналитические подходы. Одним из них может быть и пропагандируемый Клуптом институциональный подход - почему бы и нет? Однако мне кажется, что амбиции и амуниция этого подхода, как он предстает в статье Клупта, мало соответствуют друг другу. А главной причиной этого несоответствия служит как раз та "критическая нагрузка", которая вытекает из искусственного противопоставления институционализма "модернизационным" подходам, в рамках которых развивается и ТДП. Как я уже заметил выше, Клупт приписывает ТДП претензии на объяснение всех классов демографических ситуаций с тем, чтобы затем, пользуясь фигурой противопоставления, сделать заявку на подобную же всеобщность институционального подхода, для которого - в отличие от ТДП - "нехарактерно использование априорных гипотез о том, куда движется история". Тем самым он не повышает, а понижает вес своей заявки.

Историческое время неоднородно. Оно то разрежается, то сгущается, ход истории то ускоряется, то замедляется, периоды относительной стабильности сменяются периодами стремительных перемен. Соответственно, бывают периоды, когда генеральное направление движения абсолютно ясно, - ледники тают, и вода может стекать только вниз. Если в такой момент какая-то теоретическая школа отказывается видеть общее направление движения, ее услуги никому не понадобятся.

Но бывают и другие времена, когда единого направления движения, а может быть, и самого движения, просто нет. Ледники спокойно лежат на вершинах гор, хотя и испытывают какие-то сезонные колебания, тоже немаловажные. Для их изучения также нужна теория, но какая-то другая, не пытающаяся объявить каждую сезонную подвижку началом необратимых изменений.

Надо ли противопоставлять одну теорию другой или пытаться синтезировать из них нечто третье, неизбежно уродливое и неэффективное?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневецкий А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

© А. Вишневецкий, 2005